

МАКСИМ ВАСЮНОВ

ФОТОГРАФИЯ

РАССКАЗ

Опер Голощёкин позвонил в полвосьмого утра, пригласил срочно приехать в районный угрозыск. К тому времени я больше года работал криминальным репортёром и знал, что на подобные приглашения отвечать отказом нельзя — можно лишиться эксклюзивной истории.

Когда я зашёл в кабинет, то застал Голощёкина за толстой иллюстрированной книгой о Царской семье. В остальном здесь было всё, как обычно, — на столе с широким монитором соседствовали железные банки с окурками, карандашами и кофе... Карты города и области — по стенам. Засилье бытовой техники — видеки, телевизоры, магнитофоны, музыкальные центры... Люди, которые заходили к Голощёкину в первый раз, обычно путали кабинет со складом и, извинившись, поспешно закрывали двери.

Мы поздоровались. Опер закурил в книгу.

— Мучает совесть за расстрел царя? — пошутил я тихо, чтоб не спугнуть интерес.

Голощёкин ответил громким: “Кофе будешь?” — так говорят люди, которые не спали всю ночь.

ВАСЮНОВ Максим Александрович родился в 1988 году в Нижнем Тагиле. Выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета им. М. Горького. Телевизионный журналист, автор и режиссёр документальных фильмов (в том числе о писателях — “Чехов Интерстеллар”, “Доктор Пауст”, “Деревенский Данте”), публицист (“Православие. Ру”, “Российская газета”, “Год литературы”), главный редактор издания “Вера молодых”. Лауреат и призёр литературных конкурсов, участник Форума молодых писателей России, стран СНГ и Европы (Ульяновск, 2018). Публиковался в журналах “Урал” и “Крым”. В 2019 году вышел дебютный сборник его стихотворений “От стрекозы до луны”. Живёт и работает в Калужской области.

Прошло минуты две.

— Ша, злодея приведут, — наконец, вспомнил обо мне опер. Отодвинул книгу. И потянулся к банке с сахаром.

Мы пили кофе и болтали о погоде, которая этой осенью “не по понятиям” (Голощёкин так и сказал) пришла раньше срока и всех “обула на бабье лето” (тоже его цитата: по первому образованию он был филолог). Тут в кабинет ввели парня лет двадцати, небольшого роста, но крепкого. В лице его не было ничего особенного. Маленькие глаза, крючковатый нос, чёлка на все виски. Типичный гопник. Уже слегка покоцанный: вероятно, у Голощёкина он за ночь бывал не раз.

— Из-за таких вот ушлёпков всё херится в природе! — Опер махнул конвойному, чтобы “ушлёпка” усадили на стул у входа.

— Расскажи опять, — приказал он задержанному.

— А это кто? — осторожно спросил тот.

— Репортёр. Звезду из тебя будем делать. — Опер усмехнулся и потянулся к телевизионному пульту, на большом экране в углу кабинета забегали олени. Голощёкин встал из-за стола, потянулся и, захватив с собой кружку с кофе, пошёл к диванчику у телевизора. Я подвинул стул так, чтобы оказаться напротив задержанного.

— Чо говорить? — парень заметно смутился. И пока, похоже, искренне не понимал, чего же от него хотят.

— Тебя зовут как?

— Лёха!

— А сюда как попал, Лёха?

— Сам пришёл.

Последнее признание показалось мне неправдоподобным, я оглянулся на опера, тот кивнул, мол, всё так и есть.

— Про фотку ему тоже рассказывать?

— А то как же, это ж самое интересное. Кино! — подбодрил Лёху Голощёкин.

Со мной была небольшая камера, я понял — самое время её расчехлять. Лёха смиренно ждал вопросов. Я ждал привычной просьбы — а можно без съёмки? Но парень, когда перед ним засверкал объектив, лишь потрепал чёлку и тихим неуверенным голосом без всяких моих вопросов начал рассказывать.

— Я пошёл на квартиру. Ну, обчистить чтоб. Пацаны сказали, что тут никого нет, уехали в деревню. А вообще там хатка путёвая. Ну, я зашёл, чо. Смотрю — реально дворец, блин. Только что деньгами не обит, а так всё есть. “Это я удачно зашёл” — помнишь же?! — Тут Лёха прыснул гнусавым смехом. — Ну, я человек опытный, думаю, я же ручки с люстрами сдирать не стану. Хотя там всё упаковано, дай бог, говорю же. Всё было спрятано, как пить дать, хорошо, ага, я за пять минут насобирал, что не унести! Брюлики там, цепочки, часики, мани... — Тут Лёха замолчал, шмыгнул, глаза опустил.

— И? — не позволил я ему выдержать театральную паузу.

— Ну и вот, — встрепенулся Лёха, как от налетевшего сна, — я только собрался сваливать, я много-то не беру, меня батя научил, что надо брать только столько, сколько можешь унести, иначе ты не вор, а воруяга. Ну вот, и тут смотрю — фотка. Я и залип.

Эта сбивчивая малопонятная речь меня в тот момент раздражала. Если бы разговор был вечером, то моего терпения могло бы хватить. Но рано утром вникать в историю очередного воришки не было никакого желания.

— Бред какой-то несвязный, — честно признался я Лёхе. — Часики, батя, воруяга, фотка. Можно как-то подробнее, что ли?

— Чо он хочет? — снова спросил Лёха у опера, кивнув на меня.

— Ой, не зли меня, — ласково ответил опер.

— Короче, ты попал в воровской рай, а потом собрался уходить... — попытался я восстановить логику событий.

— Ну, иду, и тут фотография.

— Хорошо, — я понимал, что нужно как можно скорее проехать тему с фотографией и переходить к сути. Не ради того же, чтобы посмотреть на домушника, позвал меня Голощёкин. — А потом что было?

— Потом неделю болел и вот пришёл. Каюсь.

— Ты про фотку подробнее порасспроси, — перекрикивал опер не то наступающий сон, не то телек и, не дождавшись меня, спросил сам: — Чье фото-то было, говори!

— Фото царевича Алексея, его убили в Ёбурге, — отчеканил Лёха.

— Во! — сказал полицейский и уставился на меня так, будто только что подарил мне миллион.

— Ну и чо дальше-то? — Главный поворот истории до меня не доходил.

— Смотри, он увидел фотографию царевича, раскаялся и пришёл с повинной, — разложил Голощёкин.

— Да ладно?!

— Фотографию при нём нашли, терпилы подтвердили — у них стояла, — было видно, что бывалый опер понимает, как мне трудно в это поверить, но в то же время не понимает, почему я ещё не прыгаю до потолка. — Эксклюзив, братан?!

Глава из книги, которую читал сотрудник уголовного розыска Голощёкин:

“Когда началась стрельба, Никулин услышал мелодию. Он не поверил, свободной рукой потрепал ухо. Потом скажут, что он оглох от выстрелов.

Мелодия продолжалась. Играла дудочка, которую он, каменщик и киллер, пару дней назад вырезал для цесаревича. Алексей тут же сыграл на ней какие-то простые ноты, до того ласковая мелодия. Никулину захотелось самому повторить её. Он забрал дудочку. Минут двадцать выскабливал из неё хоть что-то похоже. Ничего не вышло. Отдал обратно.

Теперь те самые звуки, те самые ноты стреляют ему в уши. И куда-то под самую кожу. Под самый крест. Никулин снял его давно, но всегда носил в подошве, а тут на такое дело достал, повесил на толстую нитку.

Крики, стоны, визги, молитвы, истерики, выстрелы, выстрелы, выстрелы, беснования, рычание... Ничего. Абсолютно ничего из этого не слышал Никулин. Только музыку.

Вот падает император и тут же заливается кровью. Становится противно, до рвоты. Никулин держится. Смотрит на Юровского — людоед, он счастлив и спокоен. Рвота проходит. Ненадолго. Рядом стоящих латышей начинает выворачивать прямо на трупы.

Музыка продолжается.

Пули в своём коротком танце разрывают одежду и вязнут в человеческом мясе, другие вальсируют по комнате, рикошетят от пола и стен.

А в его ушах — только мелодия дудочки.

Кто-то из своих вскрикивает. Пуля станцевала в руку. Следующая пуля влетает в лицо Алексея. Кто стрелял — Никулин не замечает. Зато хорошо видно — будто под огромной лунной, — как пуля разрывает мальчику щеку. Мелодия останавливается.

Вокруг дым, всё визжит, шипит, лязгает, орёт, звенит. Звенит даже духота, схватывает горло.

Духота и запах живой крови сводят с ума, с очередным урывистым дыханием Никулин глотает вкус сырого мяса.

Музыка возвращается.

Медленно рассеивается дым. Проявляются силуэты, потом люди. Одни стоят — стирают ладонями с потных лиц дьявольские гримасы, другие лежат с поломанными вывернутыми руками, раскинутыми перебитыми ногами, разбитыми вдребезги головами...

Алексей лежит ближе всех к Никулину. Глаза открыты. В них ещё пробивается жизнь, они думают, смотрят в потолок.

В них ещё звучит музыка.

И тут Никулин шагает к мальчику...

Никто не смог потом вспомнить, зачем он к нему пошёл, — то ли глаза закрыть, то ли добить, — но только многие расскажут, что, когда стихла стрельба, и дым позволил хоть что-то разглядеть, Никулин, не дойдя до царевича, упал. Закрыв уши руками, он бился об пол в истерике, блевал под ноги Юровскому... Это будут настолько омерзительные воспоминания, что их предпочтут стереть из всех стенограмм.

Зато останется жирным кровавым шрифтом в расшифровках и в памяти Никулина, как Юровский, пришедший от блевоты в ярость, с глазами пьяного маньяка выхватил у латыша винтовку, прыгнул к царевичу, как чёрт, и проткнул его у самого сердца.

Музыка в этот момент остановилась. Она никогда уже не вернётся ни к Никулину, ни к кому-либо ещё”.

— Так, давай о фотографии подробнее, — гопник стал мне, наконец, интересен. История тянула на бомбу эфира. — Ты сразу понял, что перед тобой царевич?

— Нет, я не знал до этого, как он выглядит, мне как-то по боку всегда было, и в школу я редко заглядывал, чо там делать-то?

— А в церковь?

— Я тогда не был крещён ещё, ты чо? — усмехнулся парень, но тут же убрал с лица все намёки на ухмылку, — нет, ну, иногда я ходил раньше, как все, чо, но там не видел его на иконах. Я вообще не знал, что их святыми сделали, говорю же.

— И чем тогда тебя фотка эта зацепила?

— Да сам не знаю. Но вот как бабу классную увидел — залип.

— Про бабу так себе сравнение, — пошутил я, чтобы как-то убрать барьеры между пацаном и мной.

— Ну да, ты прав, — гопник перешёл на “ты”, значит, стал проникаться.

— Чем-то ведь тебя она поразила тогда, эта фотография?

— Сам не знаю — чем, я не могу объяснить. Но вот живой он, смотрел на меня глазами такими осуждающими. Так бабка моя на меня смотрела. Мол, Лёша, Лёша, и ты туда же. Бабка верующая была, но она мне про Семью тоже не говорила.

— И ты фотографию взял с собой, правильно? Зачем?

— Тоже не могу понять, это же просто картонка. Открытка типа. Но я даже не сразу осознал, что кинул её в сумку. Как-то машинально. Сначала он на меня посмотрел, потом я, видимо, её схватил и уже на квартире у Таньки заметил. Танька — это тёлка моя. Но она ни при чём тут!

Дальше чо? Ну, я поставил эту фотку на подоконник. Куда её, думаю. Выкинуть как-то рука не поднялась. — Лёха замолчал, о чём-то задумался. — Курить дай! — попросил он у опера, который по-прежнему не отрывал глаз от телевизора — там показывали китов.

— Да бери, жалко, что ли, говна для вас, — разрешил тот.

Лёха подался туловищем к столу, стянул с него пачку и зажигалку.

— Дальше-то что?

— Ну и вот, стоит она, значит, на подоконнике, день, два, я уж забыл про неё. А потом пошёл знакомым товар, ну, то, что украл, продавать, сумку уже застегиваю и чувствую — кто-то смотрит на меня. Вот бывает, отвечаю, так. Меня это никогда не подводило. Я вон так пару раз от мусоров уходил, — прихвастнул Лёха, чем вызвал хохот опера:

— Шпион, бляха! — и через тяжёлый вдох: — Где вас таких тупых строгают?

— Можно не отвлекаться? — Я сторал от нетерпения, и все эти штампованные позёрства ничего, кроме очередного раздражения, у меня не вызвали.

— Ну, короче, чо, я не сразу понял, что это он смотрит. Ну, Алексей этот. Потом уже догадался, сам не поверил, ей-богу, братан. Но только фотку эту положил лицом вниз, как сразу полегчало. Не было уже такого чувства, что пасут тебя. Но и не пас он меня, ладно, не как мент он смотрел, а как бабка, я же тебе говорю. Осуждающе, но с любовью что ли, хрен его

знает, как сказать, я не журналист. И вот что-то запало в меня это, не пошёл я в тот день никому ничего продавать, вообще на улицу не вышел. Только через балкон соседу постучал — дядя Коля, мужик умный, два раза ходил уже за проволоку, фотку ему показываю: “Знаешь, кто?” А он мне: “Кто ж не знает, это же сын царя, Алексей, царствие небесное!” Вот только когда узнал-то я, кто это на открытке.

Лёха в очередной раз затыкнулся, помню его ту затычку, глаза его помню — детские, как у нашкодившего ребёнка, который не знает — правду ему говорить или так всё обойдётся.

— Ну, и всё, чо, залез в телефон, стал читать про него. Нашёл какой-то сначала рассказ про то, как их убивали, про дудочку какую-то, потом стал про жизнь читать. Ни хрена себе, думаю, это в нашей стране так вот разделяли своих коронованных? И почему об этом никто не говорит?! Или я не слышал просто.

— Ты не умничай, не дельфин, дальше давай, — снова прикрикнул на Лёху опер. По телевизору в это время показывали дельфинов.

— Я стал читать, думать, ну, как думать... Мне эта сцена убийства прямо под кожу зашла, я всю ночь не спал. А под утро, веришь, нет, даже порыдал — я как-то представил себя там, в той комнате.

— Ага, представил он! На месте убийцы, поди, там как раз такие орудовали, — опер всё никак не мог дать Лёхе разговориться.

— Да не знаю, на месте кого я себя представил. Просто представил. Может быть, на месте пацана и представил. Сами посудите, если царя там, может, и за дело порешили, то парня с девчонками за что? Беспредел какой-то же. Я просто представил реально, что вот на меня револьвер навели, и я знаю, что убьют сейчас, и знаю, что убьют не за дело, и даже не себя жалко, а мамку, сестричек. А я даже молитву не прочитаю, не успею. А потом выстрелы, и боль, и все кругом падают, на моих глазах все самые родные падают, и я понимаю, что это навсегда, никто не встанет. И чувствую при этом, как в меня влетает что-то горячее, в плечи, в живот, пару пуль проходит навывлет, но не больно, а обидно, что сделать ничего не могу, обидно, что вот просто так, обидно, что я же во всём виноват...

Тут Лёха сбился, поднял глаза на меня, снова затыкнулся под самый фильтр.

— Да, он думал, что он во всём виноват, — продолжал Лёха.

— Откуда знаешь, фотография сказала? — я спросил это вполне серьёзно, без сарказма: за свою репортёрскую жизнь я навидался много сумасшедших.

— Не, ты чо! Говорю же, я стал читать про них, ну, про Романовых, и прочитал где-то, что он, ну, Лёха, Алексей, цесаревич, себя винил во всём... Понимал всё. Что с болезни его типа все беды с Семьёй начались. И с Россией, получается, тоже. Но я не знаю точно. Я сам не понял, если честно, в чём он виноват. Наверное, что Распутина пришлось приглашать или что из-за его болезни сбежать им не удалось. Это не ко мне, короче.

— Дальше, — попросил я Лёху, ведь самого главного он ещё не рассказал.

— Но говорю же, вот это убийство меня цапануло. Это жесть ведь, если представить, что там тогда творилось! Это ж ни в каком кино не снимут. Кровищи, поди, одной по колено было. И знаешь, чо? Я сразу понял, почему их святыми сделали! Они ведь, когда шли, понимали, что их убьют. Это я так думаю. Не знаю уже точно, у кого-то прочитал это в интернете или фотография подсказала, но меня вот аж осенило, что они знали. Я даже на балкон опять пошёл, стучу дядь Коле, говорю, мол, они же по-любому понимали, что их убьют? А дядь Коля так спокойно мне, как пронюхал заранее, зачем я его опять позвал: “Зайцы среди волков долго не бегают”. Это как ещё одно потрясение для меня. Ну, и все, я дальше пошёл читать. Говорю же — до утра не спал. Потом уж не помню, как вырубился.

— Хорошо, Лёха, у меня тут кассета кончается.

В то время были кассеты мини-DV, их хватало минут на сорок. Для репортёрской съёмки как раз.

Лёха всё понял, сообразительный парень, перешёл наконец к сути. Голощёкин, помню, даже телик вырубил, уставился на воришку.

— Про Юровского знаете? Комендантом был в доме, где их расстреляли. Он с ума потом сошёл в дурке. Я его видел. Во сне. “Началось, — подумал я, — РЕН-ТВ представляет”. Дня через три видел. Я будто в библиотеке, никогда там не был, ты же понимаешь, но тут сижу, читаю книгу и вроде как тороплюсь, вроде как мне надо всю прочитать за раз, а времени нет, а девки какие-то подносят мне ещё книжки, одну за другой, уже психую, ору: “Не надо, хватит, я понял всё!” И тут вместо девки он подходит, смотрит на меня внимательно, как барыга, когда впервые видит кого из наших. Смотрит так и говорит: “Не ломай голову, на двадцать пятый квартал уедешь”. Наша психушка там находится, ну, ты в курсе. А я его узнал, говорю ему: “Вот ты сука, ты что, не сдох что ль?” А он мне что-то типа — такие не сдыхают. А я сижу и вмазать ему хочу, но двинуться не могу, окоченел, как парализовало, как бабку мою. Плонуть ему в харю хочу и тоже не могу. Весь вспотел, слёзы из глаз, сопли, злость такая, что вот-вот из себя выпрыгну и кончу падлу. Так и проснулся. До сих торкает от того сна.

Мне кажется, что я тогда смотрел на Лёху, как на ожившего Юровского, потому что гопник спросил вдруг:

— Ты думаешь, я гоню? Или “Царубийцу” насмотрелся?

То, что Лёха видел фильм Карена Шахназарова, меня удивило ещё больше. И это удивление Лёха снова считал.

— Я же говорю, я в эту тему втрескался по уши. Я всё перечитал и пересмотрел, что в инете нашёл. Я даже в церковь ходил. Но там поп какой-то странный, ничо толком не рассказал. Я сам ему стоял, рассказывал, а тот ахал, прикинь? Ну вот, я чо хочу сказать? Прикидывался поп. Потому что он мне говорит вдруг: тебе открылось не просто всё это, не просто. Но многого не поймёшь всё равно, пока не начнёшь жить по-ихнему. Праведной такой же, типа, жизнью. Я говорю: “Да вы чо, какой праведной, вор я, даже не крещён”. И вот тут он меня на слабо взял: “Креститься, — говорит, — дело нехитрое, нетяжело даже святым стать, да только черти тебя сильнее, не пустят тебя к чаю”. И так мне обидно стало, чо я, лох какой-то? Какие ещё черти меня не пустят куда, хочу и покрещусь, может, и не гонит поп, может, в натуре мне ещё чо про царевича откроется? Короче, развёл он меня, как цыган деревенского. Покрестился в тот же день, отвечаю!

— И что? Покаялся? — я понимал, что кассеты оставалось ещё на пару минут и поэтому подгонял.

— Понимаю, что ты хочешь от меня! Но нет, я не скажу, что покаялся и поэтому сюда пришёл. Я сам не знаю, на кой пришёл. Совесть, не совесть. Раскаяние, не раскаяние. Стыд, не стыд. Хотя стыдно, да. Всё это ещё внутри меня бродит, что ли, ещё сам ничего не понял, не сформулировал. Но не потому, что в религию ударился, сюда пришёл. А почему точно? Да тут и поговорить обо всём этом не с кем... Пришёл и пришёл, короче. Всё говно, что на той хате взял, отдал обратно. Царевича только не отдал.

— То есть как отдал? Просто принёс обратно в ту же квартиру? — Это тоже была странная и потому интересная деталь.

— Да, нате, говорю, Лёхе спасибо скажите.

— Вот видал, как бывает, — снова перебил гопника опер, — если в церкви ответа нет, то все к нам идут!

Голощёкин вернулся за свой стол и снова стал листать книгу.

— Я сам подсел на эту тему. Отобрал вон у злодея. Увлекательно, конечно. Он тебе ещё нужен? — Голощёкин кивнул на Лёху.

Об этом я жалею до сих пор, но в тот момент я сказал — нет, не нужен. Слишком уж была невероятной вся эта история, слишком резко она упала на меня, хотелось всё побыстрее переварить и выдать в эфир. К тому же закончилась кассета.

Задержанного увели, я ещё насобирав фактуры у опера, спросил адрес, куда Лёха вернул награбленное, поехал туда. В тот день дома никого не оказалось. Пришлось делать сюжет на интервью Лёхи и комментарии Голощёкина, по картинке был только адрес-план дома, где случилось ограбление,

и фотография цесаревича. Куце, но материал прогремел. До сих пор многие вспоминают.

Что случилось с Лёхой, я не знаю. Помню только — за ним числилось ещё несколько квартир. А вот на тот адрес, где он увидел фотографию Алексея, я вернулся. Люди оказались обычные, бизнесмены, не сильно верующие, сына они крестили в честь цесаревича, вот и купили фотографию, икону не нашли. Когда свои вещи у порога увидели, удивились, естественно, но какому Лёхе спасибо надо было сказать, так и не поняли.

Украденная воров фотография на самом деле — открытка из альбома “Романовы” (автор-издатель Лобанов С. Н.). Открытка идёт под номером восемь и называется “6-летний царевич Алексей, 1910 год”. Мы видим портрет мальчика в матроске.

В свою очередь снимок для открытки был сделан с оригинальной фотографии, на которой Алексей изображён в полный рост (общий план). Позировал цесаревич в ателье придворного фотографа и кинооператора царской семьи Александра Ягельского. Ателье носило имя его первого владельца “К. Е. фонъ Ганъ и Ко”.

Настоящая дата, когда был сделан снимок, — 26 мая 1912 года.

По легенде, фотограф нажал на затвор в тот момент, когда Николаю II, сопровождавшему сына, сообщили о готовящемся покушении на Григория Распутина. Это объясняет тревожный и задумчивый взгляд Алексея. Покушение должно было состояться через несколько дней в Москве, куда Царская семья отправлялась открывать памятник Александру III.